

ропеизации лестница придворных чинов и служителей, во все многочисленные ежегодные светские празднества двора органично вошла утренняя религиозная часть – «орден духовный», соблюдались посты, а православные праздники продолжали оставаться важнейшими придворными мероприятиями. Вместе с тем очевидно, что в XVIII в. сама религиозность, те формы, в которых осуществлялось участие Двора в богослужении, эволюционировали. Изменилась система царских «выходов на праздники», другим стал круг наиболее почитаемых святых. Отправление православного культа получило тенденцию замыкания внутри дворца и придворного общества. Так, большинство служб стало проходить в придворных церквах, и допускались на них только придворные чины и лица, имеющие проезд ко Двору, посещение же столичных храмов было явлением достаточно редким и обусловленным, как правило, военными победами. Редкими стали и поездки на богомолья в монастыри.

Наконец, в европеизации ясно проступали традиционные взгляды русского допетровского общества на свою страну и своё место в мире. Проявлялись они не только в консервативном или переработанном на новый лад сохранении традиционного, но и в иной, неявной форме. Освоив языки европейской культуры – её символы, художественные образы, разнообразные формы и приёмы искусства и литературы, русское общество использовало их для выражения своих традиционных политических представлений и пристрастий. Так, меняя инсигнии и вводя новый придворный этикет, оно декларировало своё прежнее независимое от Запада и Востока политическое существование и не соответствовавший европейскому взгляд на свой высокий статус в мире. Ярким примером этого стал закреплённый в наименовании монархов и страны императорский статус.

Таким образом, европеизированный Двор XVIII в., соревнуясь с первыми дворами Европы по богатству, пышности и этикетному лоску, был устроен на принципах дуализма. Став Двором европейским, он сохранил ядро традиционной культуры и самосознания и для подданных императора остался Двором национальным. Православие и традиционная бытовая культура, понятные народу, успешно противостояли стиранию черт русской идентичности, которое предполагала европейская культура Просвещения.

Церемониал коронации в Российской империи

Светлана Амелёхина

«Коронование русских государей, благодаря обстановке и неизменности древнего остова, на которыйросло могучее тело, является... зрелищем... ни с чем не сравнимым по захватывающей красоте и внутреннему значению, только в эти немногие часы можно испытать разом всю мощь, всё величие русской Державы»¹, – писал А.Н. Мосолов о последней имперской коронации в Московском Кремле в 1896 г. Это впечатление складывалось на основе тщательно разработанного действия, имевшего многовековые традиции и обретшего новое

© 2014 г. С.А. Амелёхина

¹ ГА РФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1115, л. 265.

звучание в имперский период русской истории. Коронация издревле являлась важнейшим государственным, сакральным и юридическим актом, придававшим в глазах народа легитимность власти. В её церемониале ключевую роль играл комплекс символических предметов и действий, который не являлся неизменным. Его формированию и эволюции в имперский период и посвящена данная статья.

Отсчёт имперского периода в истории России начался 22 октября 1721 г., когда по случаю заключения Ништадтского мира и победоносного окончания Северной войны в Свято-Троицком соборе Санкт-Петербурга от «общего всех верных подданных лица» царю Петру Алексеевичу был поднесён титул императора. В сценарии этого торжества были использованы реминисценции раннего римского коронования, носившего сугубо светский характер, и принятый на рубеже XVII–XVIII вв. западный вариант возгласения: «Виват, император!». При этом, разумеется, совершённый уже ранее церковный чин венчания на царство не повторялся². Однако впоследствии он вошёл в качестве основной составляющей в церемониал имперской коронации, детально разработанный в 1723–1724 гг., а затем эволюционировавший в течение двух столетий.

При его создании в начале XVIII в. были изучены чины венчания на царство Алексея Михайловича, Фёдора Алексеевича, Петра и Ивана Алексеевичей, а также описания ряда западноевропейских коронаций, прежде всего тех, в которых принимали участие особы женского пола. Самым ранним из них было описание двойной коронации 1690 г. в Аугсбурге, когда короновались как императрица Священной Римской империи супруга Леопольда I Элеонора Магдалена Тереза фон Пфальц-Нойбург (19 января) и «в короли римские» её старший сын наследник имперского престола Иосиф (26 января)³. Также детально были изучены церемониалы коронования шведской королевы Ульрики-Элеоноры (17 мая 1719 г. в Упсале) и «короля шведского» Фридриха I (3 марта 1720 г. в Стокгольме). Особый интерес был проявлен к описаниям двух коронаций 1723 г. в Праге: цесаря «Каролуса VI в короля богемского» (5 сентября) и «римской цесаревы (Елизаветы Кристины Брауншвейг-Вольфенбюттельской. – С.А.) короною богемскою» (8 сентября)⁴. Не исключено, что следствием этой только что совершившейся помпезной двойной коронации стало обнародование императором Петром Великим манифеста 15 ноября 1723 г., которым объявлялось, что монарх «данной ему от Бога самовластью решился короновать императорским венцом» свою жену Екатерину Алексеевну. При этом смысл предстоявшей коронации отвечал своим, сугубо русским задачам. Среди них были и сакрализация нового титула правителя, и решение вопроса о преемственности власти, и поддержание международного престижа страны, мощь которой демонстрировали видимые блеск и богатство церемониального действия.

Несмотря на перевод российской столицы в Санкт-Петербург, коронационные торжества по традиции решено было проводить в Москве, в кремлёвском Успенском соборе. Для «приготовления всех потребностей» была впервые об-

² Агеева О.Г. Имперский статус России: К истории политического менталитета русского общества начала XVIII века // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 124.

³ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 103; д. 104, л. 1–2 об.; Вольный имперский город Аугсбург. Столетия величия. М., 2009. С. 124, 236.

⁴ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 114; ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739, л. 4; д. 34744, л. 8–20.

разована Коронационная комиссия, которую возглавил действительный тайный советник, сенатор П.А. Толстой. Членами комиссии стали канцлер граф Г.И. Головкин, вице-президенты Святейшего Синода архиепископы Феодосий (Яновский) и Феофан (Прокопович). В дальнейшем все коронации готовили специальные Коронационные комиссии.

24 июня 1723 г. на заседании комиссии был поставлен вопрос о коронационных регалиях – знаках высшей государственной власти, символизирующих законность правления монарха. «Понеже государь изволил воспринять титул императорский..., надобно в Кунст-камеру сделать корону цесарскую... против показанного рисунка», – сообщили допущенному на заседание комиссии золотых дел мастеру Самсону Ларионову, приказав всё «содержать секретно», ибо когда «оная корона... будет сделана, то поставится в Кунст-камере якобы старая, а не вновь сделанная»⁵. 31 июля 1723 г. императрице на выбор было привезено две модели короны – «одна серебряная... невелика, другая жестяная побольше», и было решено, что «лучше жестяная для того, что она побольше»⁶.

Согласно опубликованному отчёту о торжестве, корона императрицы «сочинена была вся из алмазов и бриллиантов» и украшена «ориентальными перлами, рядом поставленными». В ней был лишь один цветной камень – «ориентальный рубин... величиной больше голубиногo яйца..., он поставлен был на верху... о середине короны вместо глобуса, и на оном поставлен был крест из бриллиантов»⁷. Аналогичным образом описал корону и камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, вместе с другими иностранцами посетивший 30 марта 1724 г. Оружейную палату: корона была «сделана... как должна быть императорская корона..., и украшена весьма дорогими камнями и большими жемчужинами... в этой короне есть очень дорогой и невероятной величины рубин, длиною почти в палец, над которым находится маленький ажурный крест из бриллиантов»⁸.

Однако когда 9 июля 1724 г. корону (корпус без камней) передавали в кремлёвскую сокровищницу, а затем в 1725 г. выдавали в Санкт-Петербург для церемонии погребения Петра I, её венчал уже не рубин под бриллиантовым крестом, а «яблоко с крестом золотое, наведено финифтью лазоревой»⁹. Это новое навершие выполнил «золотарь Самсон» (С. Ларионов), получивший 11 июня 1724 г. «семь червонных за покупку золота на державу и крест, что к короне»¹⁰. Навершие в виде державы («глобуса», «яблока») с крестом имело, судя по всему, принципиальное значение для обозначения имперского статуса короны. В описании коронации императрицы Священной Римской империи «короною богемскою в Праге» указывалось, что она прибыла на церемонию в «домашней архидуков австрийских короне... наверху крест бриллиантовой на яблоке бриллиантовом», а короновалась другой, созданной к коронации императора Карла IV «яко короля чешского... Она ж корона, *конечно* (курсив мой. – С.А.), под крестом яблока не имеет»¹¹.

⁵ Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739, л. 2–3.

⁶ Там же, л. 36.

⁷ Там же, д. 34741, л. 84–85.

⁸ *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. Ч. 4. М., 1860. С. 33–34.

⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34745, л. 162; ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 33, 69; ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 3.

¹⁰ Книга прихода-расходных комнатных денег императрицы Екатерины I // Русский архив. Кн. 1. 1873. С. 537.

¹¹ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 115, л. 6–6 об.

3 января 1742 г. корпус короны Екатерины I был «выдан в Санкт-Петербург» ко двору Елизаветы Петровны¹², а возвращён в кремлёвскую сокровищницу лишь в 1810 г., но уже без навершия, зато на центральной арке имелась надпись о том, что этой короной была коронована Екатерина I. Дошедший до наших дней в собрании Музеев Московского Кремля корпус позволяет утверждать, что по форме первая российская императорская корона напоминала «дворцовую» или «домашнюю цесарскую» корону императоров Священной Римской империи, «сделанную тем маниром, как она употребляется в гербе – золотая, алмазами и крупным жемчугом украшена»¹³. Именно в ней на коронации своих жён присутствовали императоры Леопольд I (19 января 1690 г. в Аугсбурге) и Карл VI (8 сентября 1723 г. в Праге). Идея помещения под российскую императорскую корону тульи из малинового («тёмного кармазинового цвета») бархата была, судя по всему, заимствована из описания последней из указанных коронаций: аналогичную «скуфью» имели обе короны императрицы – одна для процессии, другая (корона Чехии и Богемии) – для церемонии коронования¹⁴.

При выборе цветового решения императорской мантии («епанчи», «хламиды»)¹⁵, впервые официально включённой в 1724 г. в число российских коронационных регалий, образцом послужило, как представляется, «королевское одеяние из золотой материи с белой подкладкою» императора Карла VI во время его собственной коронации в Праге¹⁶. Мантия Екатерины I была сшита из золотной парчи без узора и «подбита горностаями предивной белости». Сто девяносто шесть украшавших её гербов были выполнены в золотошвейной мастерской барона Н. Строганова, которому в последний момент приказали на уже готовых гербах «переменить корону», поскольку она оказалась «не цесарская, а королевская или курфюрстская». Мантия скреплялась аграфом «из множества больших бриллиантов, цепочкою поставленных»¹⁷.

Под руководством Коронационной комиссии художники и декораторы трудились над созданием роскошного декоративного убранства церемонии. На Соборной площади Кремля был сооружён помост, покрытый красным сукном. Успенский собор был украшен «дражайшим убором», однако росписи были оставлены открытыми, «ибо по греческому закону не позволено образы святых какими шпалерами или иными украшениями покрывать»¹⁸. В центре собора установили «трон» (помост) с двенадцатью ступенями, покрытый красным бархатом¹⁹, аналогичный старомосковскому царскому «чертогу», воздвигавшемуся к венчаниям на царство. На помосте, украшенном живописью и золочёными перилами, составленными из «иероглифических фигур», установили два «царских кресла»: справа – для императора, слева – для императрицы, и спра-

¹² Там же, ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 33, 69.

¹³ Музеи Московского Кремля, инв. № Р-10.

¹⁴ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 103, л. 7; д. 115, л. 5 об.–6 об.; ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34741, л. 84–85.

¹⁵ Описание коронации её величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. СПб., 1724. С. 21, 24, 30.

¹⁶ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 114, л. 39.

¹⁷ Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34740, л. 11 об.; д. 34741, л. 11 об., 32–32 об., 46–47, 56, 61, 135, 184; д. 34739, л. 174, 204–206 об.; д. 34743, л. 85.

¹⁸ Описание коронации её величества императрицы Екатерины Алексеевны... С. 4.

¹⁹ В 1725 г. этим бархатом «обиты были сани и шоры» во время церемонии похорон Петра I (РГАДА, ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 12).

ва от них поместили стол для регалий, покрытый бархатом²⁰. Над помостом впервые подвесили балдахин, ткани и отделки для которого были закуплены в Венеции. Создание этой гигантской конструкции поручили «кроватьному мастеру» французу Ивану Рошеботу. Он же вышивал герб на плафоне балдахина по рисунку живописца Ивана Адольского²¹.

Тронный балдахин ведёт своё происхождение из древнего Ирана, где он служил для создания иллюзии небесного свода над местом правителя в центре Вселенной. Позже этот символ власти был заимствован императорами Византии и Священной Римской империи, а затем и другими европейскими монархами, которые в XVI–XVII вв. во время коронации использовали до четырёх балдахинов различного вида и назначения. Четыре балдахина европейского типа впервые были созданы и к коронации Екатерины I: «подвесной» в храме, «носимый» (на шести серебряных штангах) для шествия²² и ещё два для парадного обеда в Грановитой палате: один для цесаревен, другой, привезённый из петербургской «Аудиенц-камеры... при Сенате», для Петра и Екатерины²³.

Провозглашение России империей нашло отражение в государственном гербе. Видоизменённый герб с имперской короной был представлен на кафтанах герольдов – герольдмейстера И.Н. Плещеева и его помощника графа Ф. Санти. По аналогии с пражской коронацией Карла VI они, держа в руках «герольдские трости», участвовали в выносе регалий и раздаче коронационных медалей²⁴.

В Успенском соборе вдоль стен от алтаря до трона были установлены обитые красным сукном скамьи для высших духовных особ. Места у трона были отведены для дам императорской фамилии и герцога Голштинского – в будущем супруга дочери Петра I Анны, галереи у западной стены – для иностранных министров, генералитета и «знатнейших» российских особ, которым для входа впервые были выданы билеты. Приглашённые на церемонию дамы и девицы были одеты в западноевропейские «робы из золотных и серебряных парчей, золотом и серебром шитых, и убраны премногими алмазами», кавалеры тоже «пребогато убраны были». К коронации для ста придворнослужителей (пажей, лакеев, придворных арапов, кучеров, фореиторов, скороходов и гайдуков) было создано несколько типов парадной ливрейной формы западноевропейского образца²⁵, в её колористическом решении доминировало сочетание зелёного и красного цветов, ставшее впоследствии традиционным для российского двора.

Пётр I с супругой прибыли в Москву 22 марта, остановившись в загородном Преображенском дворце. 5 мая на главных площадях Москвы под звуки труб и серебряных литавр, захваченных у шведов под Полтавой, состоялась новая, заимствованная из Европы церемония публичного объявления о коро-

²⁰ Во время церемонии похорон Петра I этот бархат был «употреблён к печальному трону» в траурном зале Зимнего дворца (Там же, л. 12 об.).

²¹ РГАДА, ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 163–165 об.; ф. 1239, оп. 3, д. 34740, л. 1, 11; д. 34739, л. 89.

²² Впоследствии он был переделан к свадьбе цесаревны Анны Петровны (Там же, ф. 1239, оп. 3, д. 34740, л. 156; д. 34745, л. 163; ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 13 об.).

²³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34741, л. 314.

²⁴ Там же, д. 34740, л. 20, 21, 156 об.; д. 34743, л. 100; ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 12 об.; ф. 156, оп. 1, д. 114, л. 36.

²⁵ Описание коронации её величества Екатерины Алексеевны.... С. 5; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34739, л. 7.

нации с участием герольдов. 6 мая их императорские величества переехали в Кремлёвский дворец. На Мясницкой и Никольской улицах были установлены триумфальные ворота²⁶ (впоследствии подобные ворота-арки стали использоваться для торжественных коронационных въездов).

7 мая прошли основные коронационные церемонии. Утром полки гвардии встали на Ивановской площади, а по сторонам Красного крыльца и помоста выстроились гренадеры, подобно тому, как в 1682 г. стрельцы стояли при венчании на царство Ивана и Петра Алексеевичей «с великим бережением, чтоб никто дерзнул перейти царского пути»²⁷. Императорские регалии на подушках из золотной парчи (по аналогии с коронацией Карла VI в Праге) были перенесены к покоям их величеств (при последующих коронациях перенесение регалий стало особой церемонией).

Когда должностные лица, назначенные для церемонии, собрались в Столовой, из апартаментов появились Пётр I и Екатерина. В десятом часу под звон колоколов, барабанный бой и музыку всех полков началось торжественное шествие. Его открывал отряд из половины корпуса кавалергардов. Следом шли 12 пажей государыни, церемониймейстер, депутаты от прибалтийских провинций и генералитет. Два герольдмейстера возглавляли процессию с коронационными регалиями. Верховный маршал с серебряным жезлом, увенчанным золотым двуглавым орлом и огромным изумрудом, шёл перед императором, которого сопровождали два ассистента. Пётр I был «в летнем кафтане, камзоле и кюлотах небесно-голубого шёлка, богато вышитых серебром, в красных шёлковых чулках и в шляпе с белым пером»²⁸. Далее под балдахином, который несли шесть генерал-майоров, шла Екатерина Алексеевна. Шлейф ее платья, сшитого «по испанской моде»²⁹, поддерживали пять дам. Декоративное оформление платья повторяло наряд римской императрицы на коронации в Праге 8 сентября 1723 г., а испанский фасон – одеяние императрицы на коронации 19 января 1690 г. в Аугсбурге³⁰. За Екатериной Алексеевной следовали камергеры и камер-юнкеры двора императрицы, статс-дамы, фрейлины, полковники, офицеры и представители национальной шляхты. Замыкала шествие вторая половина корпуса кавалергардов.

Перед входом в собор духовенство поднесло их величествам для целования крест. В соборе регалии на подушках были возложены на стол, на верхней ступени трона встали четыре кавалергарда, на нижней – герольдмейстеры, за императорскими креслами – ассистенты. Император подал руку супруге, они взошли на трон и сели на кресла.

Первая часть церемонии по сравнению с чином венчания на царство претерпела значительные изменения: её центральной фигурой теперь был император. Со скипетром в руке он повелел архиереям совершить коронование «любез-

²⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34745, л. 71; Тухменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. М., 2005. С. 40.

²⁷ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 98, л. 17.

²⁸ Рассказ Берхгольца о коронации Екатерины I // Русский архив. Ч. I. М., 1883. С. 372. Изначально планировалось, что на нём будет «сакос с диадим с оплечьем, а по сакосе... кавалерия (орден святого Андрея Первозванного. – С.А.) и... шпага, а по верху сакоса палюдament (мантия. – С.А.)», т.е. облачение, подобное одеянию Карла VI на коронации императрицы – «ризы богатые..., под ризами длинна одежда, якобы римского священника с потрохилью (епитрахилью. – С.А.) наперекрест» (РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 115, л. 5 об.; ф. 1239, оп. 3, д. 34739, л. 122).

²⁹ Музеи Московского Кремля, инв. № ТК-2883/1–3; Рассказ Берхгольца... С. 372.

³⁰ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 103, л. 4, 7 об.; д. 115, л. 6.

нейшей нашей супруги... по чину церковному». По просьбе архиепископа Феодосия императрица, встав на колени, прочла Символ веры. Архиерей произнёс молитву, а затем вместе с архиепископом Феофаном поднёс императору мантию для возложения на императрицу. После молитвы архиепископы поднесли корону, которую Пётр возложил на Екатерину. Первый архиерей поднёс императрице «державный глобус»³¹, в то время как император «держал скипетр в руке своей»³². Приём поздравлений и провозглашение певчими многолетия сопровождалось звоном в колокола и стрельбой из пушек.

Отдав скипетр и державу ассистентам, императорская чета заняла места у клиросов: началась литургия. Когда отворились царские врата, император подвёл к ним Екатерину I. «В самых Святых дверях» она опустилась на золотую подушку. Феодосий, омочив в миро «сучец» (сучок, прутик), помазал её величество крестообразно на лбу, груди и на обеих руках, а Феофан отёр помазанные места тканью, которую сжёг затем в алтарном горне. Здесь же императрица причастилась по чину мирян, совершила «умовение уст» и отёрла руки полотенцем. По окончании литургии был дан залп из пушек и ружей, и архиепископ Феофан произнёс речь, показав, «коль правильно» императрица «корону Российскую от Бога и Супруга своего получила»³³. Священнодействие завершил высочайший выход из храма под звон колоколов, звуки труб, литавр и барабанов и «радостные восклицания множества собранного народа».

Далее императрица, следуя пешком под балдахином, а затем в карете, посетила Архангельский собор и Вознесенский монастырь для поклонения царским предкам. Во время шествия генерал-фельдмаршал князь А.Д. Меншиков бросал в народ золотые и серебряные медали, которые несли в бархатных мешках с золотыми орлами³⁴. Этот впервые проводимый в России обряд напоминал сопровождавший коронации византийских императоров обычай разбрасывания на угощение народу «эпикомбий» – небольших свёртков с тремя золотыми, тремя серебряными монетами и тремя жетонами³⁵. Копировал он и обычаи европейских дворов. Так, разбрасывание «золотых и серебряных медалей» герольдами упоминалось в «Изображении, коим порядком Елизавета Австрийская королева французская воспроизведена была... ради коронации»³⁶ 25 марта 1571 г.

Между тем в Грановитой палате всё было готово к пиру. Стены палаты были обиты красным бархатом и китайской золотой узорной парчой, полы устланы персидскими коврами, а центральный столп окружён поставцом с «золотыми и серебряными сосудами... древнего греческого, римского и прочего мастерства». Согласно разработанному церемониалу³⁷ Пётр и Екатерина прибыли в палату с торжественным шествием и сели на троне под балдахином, а один из

³¹ Музеи Московского Кремля, инв. № Р-15.

³² Там же, инв. № Р-18.

³³ Описание коронации её величества Екатерины Алексеевны... С. 46.

³⁴ Там же. С. 48.

³⁵ Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883. С. 4; Катаев Н. О священном венчании и помазании царей на царство. СПб., 1847. С. 58; Горский А.В. О священнодействии венчания и помазания царей на царство. М., 1882. С. 10; Коронационный сборник. Т. 1. СПб., 1899. С. 60; Михайлова И.Б. И здесь сошлись все царства. Очерки по истории государева двора в России XVI в. СПб., 2010. С. 29.

³⁶ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 115, л. 1–2.

³⁷ Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34743, л. 48.

архиереев благословил императорский стол, сервированный золотой посудой и приборами «старинной дивной работы». Рядом находились столы герцога Голштинского, знатнейшего духовенства, светских особ. Иностранные министры на обед приглашены не были³⁸.

Далее последовала церемониальная трапеза, возможно, заимствованная из описания коронации Ульрики-Элеоноры в Упсале, которая «в вечеру кушала... публично в королевской мантии и в короне, при столе служили ей государственные советники, а блюда носили полковники»³⁹. За креслом императора для подачи блюд встали генерал-адъютанты С.Г. Нарышкин и А.П. Волинский, за креслом императрицы – камергеры В.И. Монс и П.Ф. Балк. Кушанья носили в следующем порядке: первым шёл верховный маршал, за ним обер-гофмейстер, потом кравчий и подполковники с кушаньем, каждый в сопровождении двух кавалергардов с карабинами в руках. Замыкал шествие церемониймейстер. Ставил и снимал блюда с императорского стола обер-гофмейстер «с обыкновенными коленопоклонениями». Перед окончанием пира князь А.Д. Меншиков раздал всем присутствовавшим золотые медали.

На Соборной площади для народа было выставлено угощение, форма которого, как полагали исследователи в XIX в., была заимствована из Голштинии: на помосте был уложен жареный бык, начинённый птицей, а два роскошно декорированных фонтана били белым и красным вином (о двух фонтанах с красным и белым вином упоминается в описаниях коронаций в Праге и Аугсбурге)⁴⁰. После 1724 г. в России винные фонтаны устанавливались во время народных гуляний вплоть до коронации Александра II.

Вечером весь город был иллюминирован. На следующий день Екатерина I принимала поздравления от членов императорского дома, иностранных посланников, духовных особ, светских лиц и делегаций, прибывших от нового прибалтийского региона России, а 10 мая в Кремле – от знатных особ женского пола. Такого рода поздравления стали обязательной многодневной частью всех последующих коронаций и обрели строго выверенную церемониальную форму. Торжества завершились роскошным празднеством с фейерверком на Царицыном лугу (впоследствии фейерверк стал обязательным элементом коронации), на которое были приглашены герцог Голштинский и иностранные министры.

После коронации было выпущено два издания описания этого торжества. Иллюстрации к ним должен был подготовить гравёр А.Ф. Зубов⁴¹, в связи с чем 21 августа 1724 г. барон А.И. Остерман обращался к камергеру В.И. Монсу с приказом «отобрать у мастера, который делал корону», рисунок, с которого она выполнена, поскольку «велено императорскую корону... нарисовать для издания в печать». Полагаю, что рисунок, о котором шла речь, дошёл до наших дней и хранится среди бумаг Коронационной комиссии Петра II⁴².

Коронация 11-летнего императора состоялась 25 февраля 1728 г., а 11 декабря 1727 г. обер-церемониймейстер барон Г. Габихсталь подал главе коронационной комиссии канцлеру Г.И. Головкину «мнение, чего при будущей корона-

³⁸ Там же, д. 34745, л. 1 об.

³⁹ Там же, д. 34744, л. 14.

⁴⁰ Коронационный сборник. Т. 1. С. 61; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34746, л. 288; ф. 156, оп. 1, д. 104, л. 2 об.; д. 114, л. 50.

⁴¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34743, л. 69.

⁴² Там же, ф. 156, оп. 1, д. 246, л. 33.

ции... особенно присматривать надлежит». Он предложил сохранить порядок коронационной процессии, исключив посещение Вознесенского монастыря, и оставить прежнее убранство, в частности, большой балдахин из Успенского собора⁴³. В течение трёх дней четыре «пушечных ученика» поднимали его с помощью блоков и крепили к связям между сводов собора⁴⁴. Также было решено повторно использовать коронационную мантию Екатерины I. В 1725 г. и 1727 г. эта мантия, числившаяся с 1724 г. в собрании Мастерской и Оружейной палаты, уже была использована во время похорон Петра I и Екатерины I, а теперь на ней меняли лишь горностаевую опушку. По возложении мантии на Петра II её застегнули алмазной петлицей⁴⁵.

Вопрос об остальных регалиях решался 2 октября 1727 г. на заседании Верховного тайного совета. «Смотрев... все короны», члены совета решили «корону сделать вновь». Из описи 16 августа 1728 г. следует, что помимо алмазов, бриллиантов и крупных жемчужин, эту корону, в отличие от предыдущей, украшало множество крупных цветных камней – рубинов, турмалинов, сапфиров и изумрудов⁴⁶. Вновь делалась и держава для Петра II, ибо решено было «сделать новое яблоко золотое прежнего меньше, а того, которое на скипетре, побольше». Эта держава, сохранившаяся в собрании Музеев Московского Кремля, была выполнена из золотых червонных⁴⁷.

Барон Габихсталь предлагал также рассмотреть вопрос о форме возложения регалий. Поскольку «российское государство весьма неспорно самодержавнейшее есть во всей Европе, и его императорское величество свою императорскую честь и самодержавную власть токмо от единого Бога всемогущего признавается», то барон спрашивал: возложит ли император корону, скипетр и епанчу на себя сам или примет «от кого оного». Габихсталь приводил в пример королей датских Христиана V и Фредерика IV, а также шведского – Карла XII, которые «корону сами возлагали и снимали, скипетр принимали и полагали, а королевскую епанчу всегда на себе имели»⁴⁸. В итоге мантию на Петра II возложил барон А.И. Остерман, корону – архиепископ Новгородский Феофан (Прокопович), после чего император сам взял в руку скипетр, а архиепископ вручил ему державу. Мнение, высказанное Габихсталем, было учтено во время коронации 1742 г. дочери Петра Великого. Елизавета Петровна первой из российских монархов самостоятельно возложила на себя императорскую корону. Символическая значимость этого события нашла отражение в аллегории, упоминаемой в описании фейерверка перед Зимним домом на Яузе: изображение гранатовых деревьев «с плодами, увенчанными короной, созданной самой природой», сопровождалось надписью «MEAM MINI REDDO CORONAM», переведенной в одном случае как «Природною короною», в другом – «Свою себе налагаю корону». Эта же мысль прослеживалась и в аллегорической картине

⁴³ Там же, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34746, л. 143 об.; 130, 149, 230–230 об.

⁴⁴ Там же, ф. 156, оп. 1, ч. 2, д. 66, л. 153; Коронационные торжества. Альбом священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны. М., 1896. С. 88.

⁴⁵ РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 1348, л. 37 об.; д. 1445, л. 21 об.; д. 1459, л. 22, 67, 68 об., 82, 87, 143 об.; ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34746, л. 15; д. 34748, л. 73; ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 24.

⁴⁶ Там же, ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 33; ф. 2, оп. 1, д. 23, л. 22–23 об.

⁴⁷ Музеи Московского Кремля, инв. № Р-17; РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 59, л. 2; ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 33 об.; ф. 1239, оп. 3, д. 34746, л. 53. Держава была передана в Оружейную палату 30 марта 1728 г. (РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 3, д. 1234, л. 3; ф. 2, оп. 1, д. 22, л. 24).

⁴⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 78, д. 34746, л. 197 об.–198.

на коронационных триумфальных воротах на Тверской улице, где рука, спустившаяся с небес, возлагала корону на голову Елизаветы, а надпись гласила: «Истинная Государыня, яже не от земли, но свыше имать венчаться»⁴⁹.

Традиция возведения временных триумфальных арок, восходящая к эпохе Древнего Рима, была заимствована Россией из западноевропейской культуры в эпоху правления Петра I. Ритуалы триумфальных процессий, впервые организованных в честь военных побед над Турцией и Швецией, послужили моделью для коронационных въездов монархов в первопрестольную столицу. Первым в этом ряду стал въезд в Москву 4 февраля 1728 г. императора Петра II, для которого было возведено трое триумфальных ворот с картинами и надписями, утверждёнными в Верховном тайном совете. Ворота на Земляном валу соорудили за счёт казны, «собрав из старых ворот, что есть и к тому годятся», у Белого города – на средства купечества, а Воскресенские в Китай-городе – на средства Синода. Эмблемы и символы для убранства ворот были «приисканы» архиепископом Феофаном. Он подразделял их на два вида: «первые славу коронации изъявляющие..., другие показующие добродетели, государю должны»⁵⁰.

Во время въезда Пётр II вместе со своим наставником графом А.И. Остерманом ехал в карете, запряжённой восьмёркой лошадей. В Европе в XVII в. триумфальные въезды вышли из моды, и золочёная королевская карета стала суррогатом энергичного образа короля-всадника, знаком престижа и средством пропаганды⁵¹. После Петра II в Москву на коронацию в каретах въезжали только императрицы, а все императоры – верхом и в военной форме. У Воскресенских ворот Петра II встречали члены Синода и студенты Славяно-греко-латинской академии, приветствовал Феофан (Прокопович), а члены Синода ввели новый способ поздравления, сохранявшийся при последующих коронациях, – поднесение государю иконы⁵².

Спустя два года Москва вновь готовилась к коронационным торжествам. 28 апреля 1730 г. короновалась вдовствующая герцогиня Курляндская Анна, дочь царя Иоанна Алексеевича. Её коронация поразила современников грандиозной пышностью, хотя подготовка к ней велась в крайне сжатые сроки. Повторив в целом весь разработанный ход публичного государственного действия, церемониал имел и некоторые новшества. На парадном обеде в Грановитой палате был впервые зафиксирован ставший впоследствии традиционным обычай всем приглашённым садиться за столы лишь после того, как коронованная особа «изволила спросить пить». В конце XIX в. было высказано предположение, что «этот старинный обряд был, вероятнее всего, заимствован из Англии, где он соблюдался вплоть до начала XVIII в.: во время коронационного обеда в зал верхом на коне въезжал рыцарь в латах и вызывал на бой того, кто не признает королеву законной наследницей престола. Королева пила за здоровье рыцаря из золотой чаши. С уничтожением этого обычая уцелел лишь момент

⁴⁹ Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования её августейшего императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб., 1744. С. 132, 162, 164.

⁵⁰ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34746, л. 54; 45–46 об., 105–109.

⁵¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 34, 38–39.

⁵² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 34748, л. 40, 43, 55–55 об.

торжественного питья монарха за рыцарские чувства своих подданных, готовых жертвовать своею жизнью за династию»⁵³.

С коронацией Анны Иоанновны связано начало проведения в рамках торжеств балов и ужинов, завершившихся уже традиционным фейерверком на Царицыном лугу, сюжеты которого прославляли добродетели монархини и подтверждали законность её прав на престол. Впервые было приказано выполнить сразу две короны: большую – для церемонии коронации и малую – для выходов императрицы на поздравительные аудиенции⁵⁴. Коронационное платье для императрицы сшили из «новомодной» парчи, привезённой из Лиона – крупнейшего шёлкоткацкого центра Франции⁵⁵.

К прежним коронационным регалиям Анна Иоанновна добавила цепь ордена святого апостола Андрея Первозванного, который был поднесён ей членами Верховного тайного совета 14 февраля 1730 г. в селе Всесвятском под Москвой. В кавалеры этого высшего российского ордена, учреждённого Петром I, монарх, как глава ордена, посвящал (за исключением императриц) только лиц мужского пола за особые заслуги перед Отечеством. Официальное включение знака и цепи ордена в состав коронационных регалий можно рассматривать как принятие Анной Иоанновной на себя звания гроссмейстера – главы ордена, освящённое таинством миропомазания, и как демонстрацию особого расположения императрицы к кавалерам ордена, которых она позиционировала как опору своего трона. Украшенный бриллиантами знак ордена и его цепь числятся среди регалий, торжественно перенесённых в день коронации Анны Иоанновны сначала в аудиенц-камеру, а затем – в Успенский собор⁵⁶, однако несли их не на отдельной подушке, а вместе с мантией, как это практиковалось во второй половине XIX в.

Ещё три предмета – знамя, меч и печать – были введены в состав государственных регалий во время коронации Елизаветы Петровны, состоявшейся 25 апреля 1742 г.⁵⁷ Размещённые на государственном знамени гербы территорий России соответствовали титулу императрицы, в центре полотнища был изображён двуглавый орёл с московским гербом и цепью ордена святого Андрея Первозванного на груди. При перенесении регалий в Успенский собор государственное знамя возглавляло процессию, честь нести его доверили генерал-аншефу, «главноначальствующему» Мастерской и Оружейной палатой М.Я. Волкову. Государственный меч нёс генерал-аншеф С.Г. Нарышкин, держа его перед собой остриём вверх⁵⁸.

В Успенском соборе меч и знамя расположили на четвёртой ступени помысла. Печать была возложена вместе с «регалиями персоны» – короной, скипетром, державой и мантией, на стол, установленный рядом с тронном царя Михаила Фёдоровича⁵⁹. За исключением скипетра все регалии для Елизаветы

⁵³ Описание коронации её величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 28 апреля 1730 году. М., 1730. С. 29, 43; Коронационный сборник. Т. 1. С. 83.

⁵⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № Р-11.

⁵⁵ Там же, инв. № Тк-2891.

⁵⁶ Описание коронации её величества императрицы и самодержицы всероссийской Анны Иоанновны... С. 7.

⁵⁷ Музеи Московского Кремля, инв. № Зн-285; инв. № Р-2.

⁵⁸ Голованова М.П. Регалии Российской империи. Государственное знамя. М., 2007. С. 13–14; Обстоятельное описание... С. 44.

⁵⁹ Музеи Московского Кремля, инв. № Р-29.

Петровны были созданы к коронации вновь. По окончании церемонии в соборе императрица в полных регалиях совершила выход из северных дверей, где, встав под балдахин, прошла по помосту сначала на Ивановскую площадь, затем – к Архангельскому собору. С галерей, сооружённых вдоль помоста, наблюдали за шествием допущенные туда по билетам толпы зрителей⁶⁰.

Коронация приобрела невиданный ранее размах. Огромные массы людей в Кремле и за его пределами наблюдали 28 февраля триумфальный въезд императрицы в Москву. В шествии, начавшемся от Тверской-Ямской слободы, было задействовано 42 придворных экипажа и не менее 442 человек. Императрица ехала в карете, запряжённой восьмёркой неаполитанских лошадей. Посетив Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, она проследовала к зимнему Анненгофскому дому на Яузе, останавливаясь у четырёх триумфальных ворот. У дворца под пальбу 191 пушки императрица «по древнему обыкновению» приняла от обер-гофмейстера графа С.А. Салтыкова и чинов Дворцовой канцелярии хлеб с «преизрядной работы золотой солонкой», на которой бриллиантами было выложено её имя⁶¹.

После церемонии коронования в течение нескольких дней шли кремлёвские поздравительные аудиенции и празднества для народа. Во время народного пиршества императрица бросала из окна золотые и серебряные жетоны. Затем последовала череда балов и банкетов в Зимнем доме на Яузе, где императрица «публично кушала на троне», а гости за столами, украшенными «конфектурными пирамидами» и оранжерейными деревьями⁶². 29 мая состоялось представление итальянской оперы «Милосердие Тита», в которой «были обрисованы жизнерадостный нрав и высокие душевные качества императрицы», затем прошёл 8-дневный маскарад⁶³. Ещё одним новшеством стала публичная демонстрация в Грановитой палате государственных регалий и коронационных уборов⁶⁴.

Спустя двадцать лет «в бывших Сенатских покоях» в течение 18 дней выставлялись коронационные регалии и уборы новой императрицы Екатерины II. Это были новая корона с драгоценными камнями на два миллиона рублей⁶⁵, скипетр царя Михаила Фёдоровича, новая держава, созданная золотых дел мастером Г.-Ф. Экартом, три мантии – парчовая и две кружевные, золотая и серебряная (для первого и второго дней аудиенций)⁶⁶, коронационное платье⁶⁷, сшитое из серебряной парчи и украшенное гербами Российской империи. В комплексе с новыми коронационными регалиями оно позволило создать поистине триумфальный образ императорской власти.

Сама коронация прошла 22 сентября 1762 г. Когда императрица вышла из Успенского собора, «воскликнуло всё войско и весь бесчисленный народ “ура!”». Вечером Кремль был иллюминирован, и народ со всей Москвы собрался посмотреть на «огненное зрелище». В полночь Екатерина инкогнито спустилась

⁶⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 397; *Обстоятельное описание...* С. 35.

⁶¹ *Обстоятельное описание...* С. 25.

⁶² Там же. С. 124.

⁶³ *Старикова Л.* Театральная жизнь старинной Москвы. Эпоха. Быт. Нравы. М., 1988. С. 158–160; РГАДА, ф. 248, оп. 110, д. 315, л. 267.

⁶⁴ Для осмотра регалий в течение 12 дней допускались все желающие, которых насчитали 136 258 человек (*Обстоятельное описание...* С. 125–126).

⁶⁵ РГАДА, ф. 248, оп. 90, д. 7475, л. 17.

⁶⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № Тк-2918.

⁶⁷ Там же, инв. № Тк-2893.

на Красную площадь, чтобы полюбоваться иллюминацией, а «народ узнал её и приветствовал громким ура, пока она не удалилась во внутренние покои». В этот раз праздник для народа был устроен не только на Соборной, но и на Красной площади. На ближайших к Кремлю перекрестках из нарядных балаганов раздавались золочёные пряники, в золочёных телегах, за которыми следовали бочки с пивом и мёдом, по городу развозили жареных быков, угощая каждого встречного. Императрица в экипаже объехала все места народного гуляния, приказывая во время остановок осыпать народ медалями⁶⁸.

Последними в XVIII столетии на российский престол короновались император Павел I и императрица Мария Фёдоровна. В ожидании торжественного въезда в Москву они остановились в Петровском подъездном дворце, построенном архитектором М.Ф. Казаковым. Эта царская резиденция в дальнейшем стала традиционным местом пребывания императоров перед коронационным въездом в первопрестольную столицу. Торжественный въезд состоялся 28 марта 1797 г. в Лазареву субботу – канун Вербного воскресенья, когда празднуется день входа Иисуса Христа в Иерусалим. Судя по всему, Павел I предпринял попытку переосмысления древнего обряда, при этом в качестве «актуализации» Иисуса Христа выступал он сам.

Государь ехал верхом, в военном мундире, со шляпой в руке, кивая зрителям. За ним следовали старшие сыновья Александр и Константин. У Воскресенских ворот император остановился помолиться перед чудотворной Иверской иконой Божией матери, что явилось, возможно, жестом признательности митрополиту Платону (Левшину)⁶⁹, а затем вошло в традицию, соблюдавшуюся российскими императорами при въезде в Москву.

По Высочайшему повелению день священного коронования был назначен на воскресенье 5 апреля 1797 г. – «в первый день Пасхи». Не вызывает сомнения, что решение императора приурочить коронационные торжества к важнейшим церковным праздникам имело символический смысл и было связано с той ролью, которую он отводил себе в качестве главы Православной Церкви. В Страстную пятницу 3 апреля впервые прошла репетиция коронации с участием самого императора⁷⁰.

В состав регалий был включён «императорский далматик» из красного бархата с жемчужными крестами⁷¹, который во время коронации возложил на императора митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров). Символический смысл этой единственной в своём роде для России регалии остался не понятным современниками⁷², однако известно, что целый ряд западноевропейских монархов имели аналогичное коронационное облачение: король римский Иосиф во время коронации в Аугсбурге в 1690 г. помимо мантии был одет в «пontiфикальную одежду», а Людовик XVI, коронуясь в

⁶⁸ Уортман Р.С. Указ. соч. Т. 1. С. 163; Коронационный сборник. Т. 1. С. 92; С.Д. Коронование русских государей. СПб., 1896. С. 6–7.

⁶⁹ Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 343; Комаровский Е.Ф. Записки. СПб., 1914. С. 118; Уортман Р.С. Указ. соч. Т. 1. С. 235.

⁷⁰ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Апрель–июнь 1797 г. СПб., 1897. С. 13.

⁷¹ Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания и анекдоты. М., 1912. С. 158; Снегирёв И.М. Жизнь московского митрополита Платона. Т. 1. М., 1856. С. 98.

⁷² Валишевский К. Сын великой Екатерины. М., 1990. С. 128; Жмакин В.И. Коронации русских императоров и императриц. 1724–1856 // Русская старина. 1883. Т. 37. № 3. Стб. 535; С.Д. Указ. соч. С. 284.

1775 г., облачился в далматик, поверх которого надел королевскую мантию⁷³. Павел I не снимал с себя далматика в течение всего дня коронации и удалился в нём во внутренние покои. Он надел его поверх военной формы, что, по отзывам современников, «делало из него самую комическую фигуру, какую только можно себе представить»⁷⁴. Однако очевидно, что выбор императором военной формы в качестве коронационного костюма⁷⁵ был глубоко осмысленным решением. Недаром его примеру последовали все без исключения российские императоры, а также целый ряд западноевропейских монархов.

Во время коронации на Павла I была возложена императорская мантия⁷⁶, а затем митрополит Гавриил поднёс ему Большую корону Екатерины II, слегка видоизменённую «собственным ювелиром» Я. Дювалем, дополнившим державу сапфиром и алмазом. Скипетр, увенчанный алмазом «Орлов», который Павел I принял во время коронации, был создан для Екатерины II в начале 1770 г.

В церемониал данной коронации был впервые введён ритуал возложения регалий на императрицу-супругу: Мария Фёдоровна встала перед Павлом I на колени, а он, сняв с себя корону, подержал её несколько минут над головой супруги, а затем возложил на неё Малую императорскую корону. После этого на императрицу была возложена созданная специально для неё императорская мантия и малая бриллиантовая цепь ордена святого Андрея Первозванного, также вошедшие с этого времени в состав коронационных регалий.

После причащения Павел I прочитал с трона фамильный акт о престолонаследии и в алтаре вложил его в серебряный ковчег «для сохранения на будущие времена». В тот же день он подписал «Учреждение об императорской фамилии» и «Установление о Российских Императорских орденах». По окончании коронавания москвичам было предложено угощение вне стен Кремля: столы были поставлены от Никольских до Красных ворот⁷⁷.

Коронация Павла I подвела итог новациям XVIII столетия. За это время был сформирован полный комплекс имперских коронационных регалий, который впоследствии уже не модифицировался. В него вошли: Большая корона императора, Малая корона императрицы, скипетр, держава, две коронационные мантии, две бриллиантовые цепи (большая и малая) со знаками ордена святого Андрея Первозванного, государственные знамя, меч и печать. Ушли в прошлое не имевшие западноевропейских аналогов шапка Мономаха, бармы, цепь и крест Животворящего древа. Радикально изменилось одеяние коронующихся особ – на смену царскому платно византийского образца пришёл костюм западноевропейского покроя. К концу столетия окончательно сформировался комплекс требуемых для коронации разновидностей имперских регалий и был отставлен обычай их обновления к каждому новому церемониальному действию. Созданные при Екатерине II образцы инсигний (Большая императорская корона, скипетр и держава) получили наследственный характер и использовались по традиции в конце XVIII и в течение всего XIX в. Устойчивый символический смысл обрели также те предметы убранства коронационных торжеств, которые выполняли функции атрибутов власти (убранство тканевое,

⁷³ РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 104, л. 2; *Delpierre M. Dress in France in the 18th century*. Paris, 1997. P. 83.

⁷⁴ Головкин Ф.Г. Указ. соч. С. 158.

⁷⁵ Музеи Московского Кремля, инв. №№ Тк-3018, 3019, 1552, 212, 1907.

⁷⁶ Там же, инв. № Тк-2591.

⁷⁷ Коронационные торжества... С. 8.

мебельное и др.). Их использование повторялось из коронации в коронацию, став традиционным.

Был сформирован новый круг церемоний, среди которых ключевыми стали коронационный въезд в первопрестольную столицу, церемония перенесения регалий. Новую европеизированную форму обрёл коронационный пир в Грановитой палате, поздравления коронованной особы и т.д. Были введены такие обязательные увеселения для Двора и народа, как коронационный бал, фейерверк, угощение на площадях Москвы и сопровождавшая торжества вереница балов, маскарадов и театральных представлений.

Как показал рассматриваемый материал, большинство введённых новшеств имело западноевропейское происхождение, при этом новые европеизированные формы, указывавшие на просвещенную Российскую империю, сочетались в церемониале с традиционными московскими (по-прежнему местом проведения церемоний были Успенский собор и Грановитая палата, по традиции использовались древние царские троны, скипетр и держава). Последнее обеспечивало требуемую апелляцию к древности российской монархии, что не противоречило и европейским обычаям.

Наступление XIX столетия ознаменовалось в России торжествами по случаю коронации императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны. Празднества эти были скромнее и короче предыдущих, но представлены гораздо более широкой аудитории: «Все царедворцы и все помещики Московской губернии, жители Петербурга и дворяне из отдалённых провинций в августе стали съезжаться на коронацию. Никогда ещё такого стечения не было, и с 1 сентября (1801 г.) Москва совершенно закипела многолюдством и веселием». 5 сентября к Петровскому подъездному дворцу прибыли государь с супругой. «При неимоверном стечении народа» 8 сентября состоялся торжественный въезд Александра I в Москву. «Молодой император ехал верхом, почти всё время с непокрытой головой», поскольку «у каждой церкви... встречаем был с хоругвями и иконами и должен был останавливаться и молиться». Великие княжны и маленькие великие князья следовали в придворных экипажах, а в двух золочёных каретах с опущенными стеклами – императрицы, вдовствующая Мария Фёдоровна и Елизавета Алексеевна, которые «кланялись на обе стороны зрителям»⁷⁸.

В воскресенье 15 сентября 1801 г. состоялась церемония коронации. Впервые в ней принимала участие вдовствующая императрица, прибывшая в собор в короне и мантии под балдахином, в сопровождении великих княжон. Когда богослужение окончилось, она со всеми детьми поздравила державного сына. По совершении коронования митрополит Платон (Левшин) произнёс речь о тяжести царского бремени со смелыми знаменитыми строками: «Предстанет и самое человечество в первородной своей и нагой простоте, без всякого отличия порождений и происхождений: взирай, возопиет общий нас Отец, на права человечества! Мы равно все чада твои»⁷⁹. Выход из собора сопровождали «громогласное ура, гром пушек и звон в тысячи колоколов», «всё было ослепительно и оглушительно в эти четверть часа, всё было радостно, трогательно и восхи-

⁷⁸ Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Ч. 1. М., 1891. С. 189, 190; Второв И.А. Коронация Александра I // Наше наследие. № 98. М., 2011. С. 47.

⁷⁹ Шпановский Л.П. Священное коронование и помазание русских государей на царство. Одесса, 1896. С. 47; Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. С. 66, 274.

тительно». Ночью была зажжена иллюминация. Колокольня Ивана Великого светилась огнями «от самой подошвы до вершины креста, над главою же была сделана корона из разноцветных фонарей»⁸⁰.

По случаю коронации были даны великолепные балы в Московском дворянском собрании, в императорской резиденции – Слободском дворце, куда на маскарад собралось более 15 тыс. человек, у графа Н.П. Шереметьева в Останкино. Впервые праздник для народа был устроен на Сокольническом поле. Несмотря на то, что императора везде приветствовали восторженно, он, по свидетельствам очевидцев, изнемогал от утомительных обрядов, торопился уехать из Москвы, а однажды сказал: «Когда показывают фантом, не следует делать это слишком долго, потому что он может лопнуть»⁸¹.

Спустя четверть века состоялась коронация Николая I. 25 июля 1826 г. прошёл торжественный въезд государя в Москву, а 22 августа – основное действо в Успенском соборе. Во время коронации в своей речи митрополит Московский Филарет (Дроздов) сказал о бедствиях недавних месяцев (имея в виду восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади) и объявил, что Николай медлил с восшествием на престол только ради сохранения безопасности царства, сравнив его с Соломоном: император должен так же очистить землю от сорняков, как Соломон очистил Израиль⁸².

По окончании церемонии в Успенском соборе Николай I, взойдя на верхнюю ступень Красного крыльца, первым из российских императоров повернулся лицом к массе народа, наполнявшей Кремль, и «тремякратным наклонением головы приветствовал своих верноподданных. Восторг народа в эту минуту не знал границ: громкие крики огласили воздух, шапки полетели вверх; незнакомые между собой люди обнимались, и многие плакали от избытка радости»⁸³. Все преемники Николая I повторяли этот тройной поклон народу, и к концу XIX столетия стали говорить, что он является «древним русским обычаем», выражением русской национальной души, демонстрирующим связь между царём и народом. В ту же эпоху его отождествляли с «обычаем греческих императоров после коронования с возвышенного места являться перед лицом народа». По мнению современного исследователя, это действие напоминало тройной поклон императора перед Царскими вратами в Успенском соборе⁸⁴.

В празднествах, последовавших за коронацией Николая I, присутствовали как национальные, так и имперские элементы. 1 сентября на придворном маскараде в Большом театре дамы появились «одетыми в русские сарафаны, с русскими повязками и кокошниками на голове». Ставший традиционным спектакль Большого театра состоял из комической оперы «Новый помещик» на музыку Ф.А. Буальдьё и балета «Сандрильона» (Золушка) на музыку Ф. Сора⁸⁵.

Чудеса роскоши и утончённый вкус демонстрировали праздники, устроенные послом Франции маршалом Мармоном, чрезвычайным послом Англии

⁸⁰ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 191; Второв И.А. Указ. соч. С. 48.

⁸¹ Чулков Г.И. Императоры. Психологические портреты. М., 1991. С. 78.

⁸² Уортман Р.С. Указ. соч. Т. 1. С. 185–187.

⁸³ Жмакин В.И. Указ. соч. Стб. 9.

⁸⁴ Уортман Р.С. Указ. соч. Т. 1. С. 384, 369; Коронационный сборник. Т. 1. С. 109.

⁸⁵ Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 151; Историческое описание Священного Коронования и Миропомазания их Императорских Величеств Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны // Отечественные записки. 1827. № 31. С. 26–34, 212–214.

У.С. Кавендишем, верховным маршалом коронации князем Н.Б. Юсуповым (эту должность он исполнял также при восшествии на престол Павла I и Александра I), фрейлиной графиней А.А. Орловой-Чесменской⁸⁶. Народное празднество прошло на Девичьем поле. Коронационные торжества завершились фейерверком, одна из картин которого представляла триумфальные ворота с надписью: «Успокоителю Отечества Николаю Первому».

Восшествие на престол Александра II произошло в разгар Крымской войны, в связи с чем коронация состоялась только через полтора года после воцарения. Торжественный въезд в Москву 17 августа 1856 г. стал демонстрацией роскоши, сгладившей впечатление слабости и отсталости России, внушённое военными событиями. Государь ехал в сопровождении великих князей, иностранных принцев, многочисленной свиты и конвоя: мундиры с золотым шитьём и роскошные экипажи придавали Тверской улице «вид золотой реки»⁸⁷. В этот день во время шествия из Успенского собора к Архангельскому и Благовещенскому соборам впервые на коронационных торжествах был исполнен гимн «Боже, Царя храни!», а на следующий день в Оружейной палате также впервые прошла церемония освящения нового государственного знамени⁸⁸.

Ещё одним новшеством стало включение во время коронации 26 августа в торжественную процессию в круг делегаций от социальных групп и регионов России представителей крестьянства. Затем крестьянские старшины были допущены на поздравительные аудиенции в Андреевском зале Кремлёвского дворца, где поднесли хлеб-соль на серебряном блюде. Всего было поднесено 81 золотое и серебряное блюдо с хлебом-солью. Народный характер торжеств подчеркнуло появление 9 сентября на маскараде в Большом Кремлёвском дворце императора с великими князьями в форме стрелкового батальона Императорской фамилии, выполненной в национальном стиле (широкие шаровары поверх высоких сапог, русский кафтан и чёрная папаха), а также одежда императрицы и великих княгинь, участвовавших в увеселении в роскошных национальных костюмах⁸⁹. В 1856 г. впервые местом проведения народных коронационных гуляний стало Ходынское поле. Празднества завершились 17 сентября «иллюминированным концертом на открытом воздухе для широких масс». Потрясённый излишеством трат на мероприятия, князь Д.А. Оболенский утверждал, что эта коронация обошлась России в немногим меньшую сумму, чем война⁹⁰.

После трагической гибели Александра II правительство выжидало два года, прежде чем провести коронование его преемника. В истории династии это была самая длинная пауза между вступлением на престол и коронацией. Император Александр III торжественно въехал в древнюю столицу 10 мая 1883 г. Улицы по пути следования его кортежа были украшены государственными и национальными флагами. Проезжая по Тверской, император здоровался с войсками. Собранный на эстраде между Никольскими и Спасскими воротами Кремля небывалый 10-тысячный хор воспитанников 120 московских училищ, труппы московских императорских театров, консерватории, частных и певчес-

⁸⁶ Ансело Ф. Указ. соч. С. 160.

⁸⁷ Воспоминания графа М.В. Толстого // Русский архив. М., 1881. С. 126.

⁸⁸ Музеи Московского Кремля, инв. № Зн-286.

⁸⁹ Воспоминания графа М.В. Толстого. С. 129–130; Из дневника графа Г.А. Милорадовича // Русский архив. Кн. 2. М., 1884. С. 192.

⁹⁰ Воспоминания графа М.В. Толстого. С. 132; Из дневника графа Г.А. Милорадовича. С. 198; Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии российской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 71.

ких хоров Москвы при въезде государя на Красную площадь исполнил «Славься» из оперы «Жизнь за царя» М.И. Глинки в аранжировке П.И. Чайковского: «Здравствуй, желанный, в столице своей, Здравствуй, с царицей прекрасной твоей!». В день Преполовения, 11 мая, в Трофейном зале Оружейной палаты прошла церемония освящения нового государственного знамени, а утром следующего дня освящение Грановитой палаты, стенопись которой была восстановлена крестьянами села Палех братьями Белоусовыми. Герольды по всей Москве зачитывали объявления о коронации, пачками бросая их в толпу, которая хватала листы на лету, разрывая на мелкие куски⁹¹.

Коронация состоялась 15 мая. На крытых трибунах «в русском стиле» помещалось самое избранное общество⁹². С Красного крыльца первым спустился наследник цесаревич Николай Александрович с герцогиней Эдинбургской (урождённой вел. кн. Марией Александровной, дочерью Александра II). Второе, главное шествие открывала делегация крестьян, выделявшихся «своим простым, но разнообразным нарядом». Среди них был старец, представлявший потомков Ивана Сусанина. Он стал одним из 12 крестьян, допущенных присутствовать на церемонии в соборе.

Государь, приветливо раскланивавшийся во все стороны, ввёл в Успенский собор императрицу «в белом, роскошном своей простотой и грацией глаzetовом платье»⁹³. Когда митрополиты поднесли императору корону, «государь твёрдыми руками взял её и неторопливым, спокойным и плавным движением одел на голову». Генерал-адъютант граф Э.Т. Баранов поднёс ему скипетр, а граф П.А. Валуев «с низким боярским поклоном» подал державу. Александр III возложил на Марию Фёдоровну мантию⁹⁴, цепь ордена Андрея Первозванного и малую корону. Затем император с императрицей в полных регалиях «воссели на прародительских престолах»: Александр III – на троне царя Михаила Фёдоровича, Мария Фёдоровна – на троне царя Алексея Михайловича⁹⁵.

Около трёх часов дня начался парадный обед в Грановитой палате. «По старому русскому обычаю» иностранцы не могли присутствовать на нём в самой палате, но и отпустить гостей из дому «без хлеба-соли» было нельзя, поэтому их пригласили к столу в боковые комнаты дворца. Пять столов в Грановитой палате были сервированы «исторической посудой Оружейной палаты и новыми богатыми сервизами». «Перед царским приходом все говорили об убранстве палаты золотом и серебром, представлявшемся в виде исполинских стоп..., кубков, орлов, верблюдов, глобусов и кораблей», говорили и о стопе, из которой будет пить государь и на которой надпись: «Да пиет здрав в лето 7088» –

⁹¹ В память священного коронования государя императора Александра III и государыни императрицы Марии Фёдоровны. СПб., 1883. С. 38–39, 62, 71, 81, 86, 89; Венчание русских государей на царство. СПб., 1896. С. 118.

⁹² Описание священного коронования их императорских величеств государя императора Александра и государыни императрицы Марии Фёдоровны всея России. М., 1883. С. 149, 151, 159; В память священного коронования... С. 117.

⁹³ Описание священного коронования... С. 117, 125, 126; Музеи Московского Кремля, инв. № Тк-2900.

⁹⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № Тк-2599.

⁹⁵ Венчание русских государей на царство. С. 171; Музеи Московского Кремля, инв. № Р-29; инв. № Р-30.

для первого коронационного тоста императора из собрания Оружейной палаты была выбрана «купа»⁹⁶, датированная эпохой Ивана Грозного.

На столе, покрытом старинным настольником⁹⁷, «перед их величествами были поставлены приборы севрского фарфора из так называемого Екатерининского сервиза, хрусталь Лондонского сервиза и две солонки, осыпанные драгоценными камнями, из собрания Оружейной палаты»⁹⁸. «Вокруг столпа был устроен поставец из чёрного резного дуба, весь покрытый древней драгоценной золотой и серебряной посудой»⁹⁹.

Оркестр, солисты и хор Большого театра исполнили кантату П.И. Чайковского «Москва» на слова А.П. Майкова: «С мала ключика студёна потекла река. С невелика зачиналась каменна Москва...». На трёх предыдущих коронационных банкетах хор исполнял гимн «Коликой славой днесь блистает!» на слова М.В. Ломоносова, положенный на музыку композитором Джузеппе Сартти¹⁰⁰.

Вечером зажглась иллюминация: «ровным, ярким светом горели 3500 лампочек Эдиссона». Колокольня Ивана Великого казалась «отлитой из сверкающего золота», на каждой из Кремлёвских башен помещалось по два «электрических солнца, которые, беспрестанно меняя направление света, бросали бесконечно длинные белые лучи по всей Москве»¹⁰¹.

Следующие два дня в Андреевском зале Кремлёвского дворца приносили поздравления губернские предводители дворянства и волостные старшины. Бесчисленное множество поднесённых драгоценных блюд было помещено на столы и за недостатком места – на окна зала. На особом столе высилась груда хлебов, поднесённых на этих блюдах. Вечером во время бала столы были окружены иностранными гостями, которые «приходили в неописанный восторг при виде этой массы... золота и серебра, представляющих шедевры и образцы высокохудожественной работы»¹⁰². Это стало ещё одной демонстрацией богатства империи, её народного искусства и традиций.

18 мая в Большом театре вместо оперы-буфф Г. Доницетти «Эликсир любви», исполнявшейся после коронации Александра II, были представлены сцены из оперы М.И. Глинки «Жизнь за Царя» и новый балет М. Петипа «Ночь и день». В постановке оперы были сделаны изменения, напоминавшие о въезде императора с сыновьями в Москву: во время финальной сцены на Красной площади хор исполнил «Славься», в то время как три всадника в боярских костюмах въезжали в Спасские ворота¹⁰³.

21 мая Александр III и Мария Фёдоровна вместе с детьми посетили на Ходынском поле народное гулянье, 23 мая в Преображенской слободе состоялось празднование двухсотлетнего юбилея Преображенского и Семёновского полков и воинский обед в Сокольничьей роще, 26 мая – церемония освящения храма

⁹⁶ Музеи Московского Кремля, инв. № МЗ-139; Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля, ф. 1, оп. 1, д. 81, л. 513.

⁹⁷ Музеи Московского Кремля, инв. № Тк-1809.

⁹⁸ Там же, инв. № Дк-233.

⁹⁹ Шпановский Л.П. Указ. соч. С. 98, 100; Описание священного коронования... С. 141; Венчание русских государей на царство. С. 194.

¹⁰⁰ Карнович Е.П. Коронование государей // Российский архив. Вып. 1. М., 1990. С. 62–63.

¹⁰¹ В память священного коронования... С. 267–269; Венчание русских государей на царство, С. 199.

¹⁰² Венчание русских государей на царство. С. 202, 203; Шпановский Л.П. Указ. соч. С. 159; В память священного коронования... С. 210–211, 289–290.

¹⁰³ В память священного коронования... С. 307.

Христа Спасителя, а 27 мая в Александровском зале Большого Кремлёвского дворца был дан прощальный обед московским властям.

Подготовка к последней в истории Российской империи коронации Николая II началась в феврале 1895 г. К апрелю следующего года пышные декорации преобразили Москву: город украсили триумфальные арки, трибуны, павильоны и обелиски. Для освещения Кремля была построена специальная электростанция: иллюминация дворца, стен, башен и колоколни по рисункам художников Н.Н. Каразина, А.М. Прокофьева и А.Н. Бенуа состояла из пятисот тысяч огней¹⁰⁴.

Депутатам «дозволялось в соблюдение древнего обычая... поднесение их величеств хлеба-соли, а также икон, но ни в коем случае не адресов, так как последний способ выражения верноподданнических чувств не имеет основания в обычаях прежнего времени». В итоге на поздравительных аудиенциях было поднесено 57 икон, 23 складня и 275 серебряных блюд. Последние, установленные в Андреевском и Георгиевском залах, составили «редкую по художественному исполнению и изяществу коллекцию, стоившую, однако, значительную сумму». Ввиду этого император выразил желание, чтобы в будущем «подобные подношения драгоценных вещей заменены были пожертвованиями на благотворительные местные учреждения»¹⁰⁵.

Торжественный въезд Николая II в Москву состоялся 9 мая, в день памяти его небесного покровителя Святителя Николая Чудотворца. Император ехал на белой «английской кобыле Норме..., которая была подкована серебряными подковами... При всех предыдущих въездах в Москву... конь, на котором ехал государь, ... всегда подковывался серебряными подковами»¹⁰⁶.

Билеты на торжества выдавались за подписью дворцового коменданта по именным спискам. Опубликованный впоследствии «Список высочайших особ и лиц, прибывших в Москву к торжествам священного коронования их императорских величеств», занимает сто восемнадцать страниц. Не даром один из очевидцев коронации отмечал, что «тут перед вами в древнем Кремле собрано почти всё, что есть в данное время выдающегося в России по имени, рождению, богатству, образованию, влиянию и власти»¹⁰⁷.

Утром 14 мая на возвышении между Архангельским и Благовещенским соборами разместился придворный хор «в красных мундирах, с оригинальными роговыми музыкальными инструментами, ярко блестевшими на солнце», который исполнил гимн и «Фанфары» П.И. Чайковского. Затем всё шло по уже устоявшемуся чину. «Величие всего происходившего в соборе производило подавляющее, неописанное впечатление... Всё соединилось тут, возвышая душу и переполняя её восторгом: и редкостное по красоте и роскоши зрелище, и дивное пение, и трогательное до глубины сердца молитвословие», – записал в дневнике 14 мая великий князь Константин¹⁰⁸.

В этот день император и императрица дважды кланялись народу: сначала на Красном крыльце, затем с балкона Кремлёвского дворца. Во время трапезы в Грановитой палате была исполнена «Кантата на Священное коронование... государя императора Николая II» композитора А.К. Глазунова на слова дра-

¹⁰⁴ Коронационный сборник. Т. 1. С. 176.

¹⁰⁵ Там же. Т. 2. СПб., 1899. С. 8, 10; Т. 1. С. 293, 294.

¹⁰⁶ Там же. Т. 1. С. 208, 215; Коронационные торжества... С. 34

¹⁰⁷ Коронационный сборник. Т. 2. С. 223–331; ГАРФ, ф. 1463, оп. 1, д. 1115, л. 265.

¹⁰⁸ Коронационный сборник. Т. 1. С. 244, 250; Т. 2. С. 209; ГАРФ, ф. 660, оп. 1, д. 43, л. 61 об.

матурга В.А. Крылова. С наступлением сумерек их величества появились на балконе Кремлёвского дворца. Императрице был подан букет, который «осветился множеством маленьких электрических лампочек и, благодаря особому устройству электрических проводов, в тот же самый момент... мгновенно заблистал миллионами огней весь Кремль, представлявший в эту минуту чудную картину. Внизу стояла многотысячная толпа, восторженно приветствовавшая их величеств». В этот день в двадцати двух российских городах были устроены обеды для пятидесяти тысяч бедных. В Москве по воле императора в течение всех дней коронации обедали на его счет в монастырях пять тысяч беднейших жителей¹⁰⁹.

В опубликованном спустя два года отчёте о коронации говорилось: «Вспомнив действительно поразительную, сказочную пышность и широкое русское гостеприимство Большого Двора, которое так приятно удивляло иностранцев, нельзя не прийти к заключению, что шесть миллионов девятьсот семьдесят одна тысяча рублей, израсходованных Министерством Двора, представляют сумму вполне умеренную... и далеко разнящуюся от установившегося в обществе представления о десятках миллионов, будто бы потребовавшихся на коронационные торжества»¹¹⁰.

Таким образом, XIX век, сохранив сложившийся в предыдущем столетии европеизированный комплекс регалий и церемоний, привнёс в коронационный церемониал целый ряд новшеств. Требование «народности», ставшее частью официальной идеологии, предопределило участие губернских предводителей дворянства и волостных крестьянских старшин (включая символичное приглашение на коронацию потомков Ивана Сусанина) в основных церемониях коронационных торжеств. Новыми элементами стали исполнение государственного гимна и специально созданных музыкальных произведений на русскую тематику, спектакли на темы русской истории в Большом театре, использование «национального» стиля в коронационных и придворных костюмах, декоративном оформлении подносных блюд и др. В отличие от XVIII в., который апеллировал к западноевропейской традиции, теперь в прессе и исторических сочинениях, сопровождавших проведение коронаций, шли интенсивные поиски её старомосковских и византийских истоков.

При этом главной целью великолепных коронационных празднеств всегда было произвести впечатление на русскую и европейскую аудиторию. Их роскошь свидетельствовала о возможности императора распоряжаться огромными богатствами, количество и разнообразие делегаций – о размерах его владений и множестве народов, которыми он правил. Блистательно режиссированные парады и величественные процессии говорили о власти монарха контролировать и направлять. Люди, столпившиеся вдоль улиц и заповнившие площади, свидетельствовали о способности царя поддерживать образцовый порядок и добиваться народной поддержки. Вместе все эти мероприятия служили иллюстрацией «силы, с помощью которой величие организует мир»¹¹¹.

¹⁰⁹ Коронационные торжества... С. 101; Коронационный сборник. Т. 1. С. 283.

¹¹⁰ Коронационные торжества... С. 103.

¹¹¹ Уортман Р.С. Указ. соч. Т. 2. С. 18.